

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, Муртазаев Арсен Омарович

**РОЛЬ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НА КАВКАЗЕ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ В СВЯЗИ С
КОНОКРАДСТВОМ МЕЖДУ КУМЫКСКИМИ ВЛАДЕТЕЛЯМИ И ГРЕБЕНСКИМИ КАЗАКАМИ В
XVIII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КИЗЛЯРСКОГО КОМЕНДАНТСКОГО АРХИВА)**

В статье на основе материалов Кизлярского комендантского архива рассматривается роль российских властей на Кавказе в решении споров по поводу конокрадства между кумыкскими владельцами и гребенскими казаками в XVIII в. Конокрадство как одно из тяжких преступлений было широко распространено на Кавказе. Оно играло определенную роль во взаимоотношениях кумыкских феодальных владельцев с казачеством. Российские власти, заинтересованные в мире и стабильности в регионе, прилагали немалые усилия, чтобы пресечь преступления, связанные с кражами и угоном лошадей, но искоренить конокрадство в XVIII веке не удалось.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/10/1.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(72) С. 13-19. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(470.67)

Исторические науки и археология

В статье на основе материалов Кизлярского комендантского архива рассматривается роль российских властей на Кавказе в решении споров по поводу конокрадства между кумыкскими владельцами и гребенскими казаками в XVIII в. Конокрадство как одно из тяжких преступлений было широко распространено на Кавказе. Оно играло определенную роль во взаимоотношениях кумыкских феодальных владельцев с казачеством. Российские власти, заинтересованные в мире и стабильности в регионе, прилагали немалые усилия, чтобы пресечь преступления, связанные с кражами и угоном лошадей, но искоренить конокрадство в XVIII веке не удалось.

Ключевые слова и фразы: Кавказ; кизлярский комендант; российские власти; кумыкские владельцы; гребенские казаки; конокрадство; преступление.

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, к.и.н., доцент
Дагестанский государственный институт народного хозяйства
vikingpasha@mail.ru

Муртазаев Арсен Омарович, к.и.н.
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
arlist777@mail.ru

**РОЛЬ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НА КАВКАЗЕ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ
В СВЯЗИ С КОНОКРАДСТВОМ МЕЖДУ КУМЫКСКИМИ ВЛАДЕТЕЛЯМИ
И ГРЕБЕНСКИМИ КАЗАКАМИ В XVIII ВЕКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КИЗЛЯРСКОГО КОМЕНДАНТСКОГО АРХИВА)**

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта
№ 16-31-01067 «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI – первая половина XIX в.».*

Конокрадство по отношению к сельскому населению являлось весьма тяжким преступлением, так как нередко лишал земледельца последнего рабочего скота, а вместе с тем и возможности обрабатывать свое поле. Поэтому уже древние законодательства рассматривали конокрадство как кражу квалифицированную. Испокон веков на Кавказе конокрадство являлось развитым преступным промыслом. Оно было распространено как среди местного населения, так и гребенского казачества. При этом кражи лошадей у кумыкских владельцев гребенскими казаками являлись нередким делом. Это заставляло их не раз обращаться в письмах к кизлярским комендантам с жалобами на гребенских казаков.

В материалах Кизлярского комендантского архива хранятся весьма интересные сведения по данной проблеме. Рассмотрим некоторые документы, извлеченные из данного фонда архива. В ордере от 18 мая 1738 г. атаману Гребенского войска Ауке кизлярский комендант И. М. Красногородцев требовал доставить к нему в крепость новогладковского казака Ивана Чернова, укравшего семь лошадей у эндиреевской княгини Бахтым-бики [2, д. 19, л. 11].

В письме от 10 ноября 1738 г. аксаевский владелец Алибек Султанмамутов доносил кизлярскому коменданту Никите Анфимовичу Бунину о том, что гребенские казаки перегнали за р. Терек лошадей местных жителей, и те намерены их обратно возратить. С целью недопущения конфликта между гребенскими казаками и горцами Алибек Султанмамутов просит коменданта, чтобы тот приказал казакам вернуть украденных у горцев лошадей [Там же, д. 17, л. 7, 7 об.].

В другом письме от 17 января 1745 г. эндиреевский владелец Темир Хамзин просил коменданта Василия Елисеевича Оболенского отыскать и вернуть уведенных казаками из его конского табуна восемь лошадей [Там же, д. 90, л. 3].

Требование Темира Хамзина было вполне справедливым, ибо засулакские князья – подданные России. А раз так, тем более нельзя было их грабить. Поэтому В. Е. Оболенский не мог оставить без внимания письмо эндиреевского князя. Но в ответном письме от 19 января 1745 г. кизлярский комендант отказал в удовлетворении просьбы Темира Хамзина, аргументируя это тем, что пропавшие лошади «с прогонного тобою табуна в противность Е. И. В. указов на продажу в Персию, и приведя в Кизлярскую крепость явили... и оные лошади... отдать не подлежат, понеже, то противности вашей...» [Там же, л. 5 об.].

Отказ В. Е. Оболенского был мотивированным. В эти годы российское правительство запрещало горцам прогонять лошадей для продажи в Иран в связи с обострением отношений с Надир-шахом. Следовательно, кизлярский комендант руководствовался указами из Петербурга.

Интерес в плане рассматриваемой проблемы вызывает письмо от 2 ноября 1748 г. аксаевского владельца Каплан-Гирея Ахмадханова, адресованное кизлярскому коменданту А. П. Девицу. В нем Каплан-Гирей Ахмадханов писал, что у сына его покойного брата Адиль-Гирея Алибекова из табуна пропали три лошади: рыжая кобыла буланая с черной гривой да два серых коня, которых позже опознали у червленского казака Сукьяки. Аксаевский владелец просил А. П. Девицу «реченному казаку лошадь нам отдать, или вора показать» [1, д. 7, л. 103, 103 об.].

Далее в письме говорилось о пропавших из табуна самого Каплан-Гирея Ахмадханова пяти лошадях, для поиска которых был отправлен его человек. Поэтому он просил кизлярского коменданта приказать войсковому атаману Борисову пропустить через форпост «для сыска» «оного человека» [Там же]. Из содержания письма видно, что у аксаевского князя Каплан-Гирея и его племянника Адиль-Гирея из табунов были украдены лошади. При этом фигурирует имя казака Сукяки, который был повинен в краже лошадей у Адиль-Гирея. Что касается украденных лошадей у Каплан-Гирея, виновных в этом деле еще предстояло узнать.

В другом письме от 3 ноября 1748 г. Каплан-Гирей просил коменданта А. П. Девица оказать содействие в расследовании дела по конокрадству. В нем князь сообщал, что у его узденя пропали две лошади, из которых «узната одна» у щедринского казака. На вопрос «откуда у него данная лошадь?» казак ответил, что взял у одного аксаевского жителя, ныне умершего. По рассуждениям Каплан-Гирея, казак знал, что лошадь была краденой. Поэтому он просто назвал умершего местного жителя, понимая, что по магометанскому закону «сыскивать нечего». В данном случае от казака могли лишь требовать «правду под присягою». Если казак отказывался от дачи показания под присягой, то должен был по требованию Каплан-Гирея назвать вора [Там же, л. 108, 108 об.].

Аналогичным по содержанию является письмо Каплан-Гирея Ахмадханова от 11 декабря 1751 г., адресованное кизлярскому коменданту Леопольду Исааковичу Дебеаусобрию: «...любезного гостя именем Раима пропала одна лошадь, которую искали много с время, а ныне отыскала оную лошадь в Щедринском городке [станичного] атамана... у брата его казака Василия, а опознали тою лошадь... которая шерстью была сивая и в то время оной Раим у того казака оную лошадь просил и сказывал ему, чтоб он отдал ему, а буде не отдаст, то б вора объявить, точию, оной казак притом объявлял и манил его долгое время покажу вора, и отдам лошадь. Однако лошади не отдал и вора не показал... Того ради... прошу, когда упоминаемой Раим с сим письмом до вас прибудет, тогда предписанного казака Василия призвать и объявить ему, чтоб он лошадь отдал или вора показал...» [2, д. 226, л. 9, 9 об.].

Судя по письму, украли лошадь кунака аксаевского владетеля Каплан-Гирея Ахмадханова Раима, которая вскоре была найдена в Щедринском городке. Конокрадом оказался брат атамана Василий. Попытки Раима самому вернуть украденную лошадь не увенчались успехом. Это и послужило причиной ходатайства аксаевского владетеля за своего кунака Раима. Однако, как и в большинстве случаев, украденные казаками лошади не возвращались своим хозяевам.

Следует отметить, что случаи конокрадства были известны и со стороны подвластных кумыкских владетелей. Но в отличие от казаков-конокрадов, они стремились возместить ущерб, либо вернув украденную лошадь, либо заплатив штраф. Так, в письме от 9 апреля 1753 г. Каплан-Гирей Ахмадханов доносил коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу, что через своего человека Ибраима отправил деньги за украденных казачьих лошадей [Там же, д. 290, л. 17].

Спустя некоторое время Каплан-Гирей Ахмадханов отправил кизлярскому коменданту оставшуюся часть денег. «Вашему высокородию доношу, – писал в письме от 29 апреля 1753 г. Каплан-Гирей Ахмадханов, – что за пропавших казачьих лошадей от нас уплаты денег до сего времени не было... а ныне с сим подателем с Ибраимом остальные деньги все отправил до вашего высокородия...» [Там же, л. 71].

В письме от 7 мая 1753 г. Каплан-Гирей Ахмадханов выразил недовольство коменданту И. Л. фон Фрауендорфу по поводу отнятой у его человека лошади и просил разобраться в этом деле: «...человек наш у астраханского жителя купил кобылу, а вы, от нас взявши и отдали казакам, да еще за оставших за пять лошадей пятьдесят рублей с нас взяли и их же казаков, чем вы удовольствовались, а наш человек оную кобылу на деньги купил, а вы показанную кобылу и пятьдесят рублей денег изволили взять и казакам отдать... прошу казака, которой в кобылу в силе... с кобылою, им того человека, которой же у астраханского жителя кобылу купил вместе их в Астрахань отправить, и как покажет наш человек у которого, тою кобылу купил, тогда кобылу и деньги извольте нам обратно отдать... не в силе указов обид нам показывать негодиться» [Там же, л. 104, 104 об., 106].

Из данного письма мы видим, что по приказу И. Л. фон Фрауендорфа были отняты лошадь и пятьдесят рублей у узденя аксаевского владетеля Каплан-Гирея Ахмадханова, которыми затем «удовольствовались» казаков. К сожалению, причину такого поступка коменданта мы не можем объяснить, так как документ об этом умалчивает. Тем более взаимоотношения кумыкских владетелей с кизлярскими комендантами развивались в мирном русле. Можно предположить, что здесь речь идет о превышении должностных полномочий представителем российской администрации на Кавказе. Несмотря на это, миролюбивые кумыкские князья, будучи российскими верноподданными, не отходили от данной присяги короне. Кизлярские коменданты знали, что на них можно положиться, и нередко обращались к ним с просьбами разного характера. Так, в письме от 23 июня 1756 г. И. Л. фон Фрауендорф просил Каплан-Гирея Ахмадханова помочь найти украденных у казаков ночью за Терек в урочище Епанчине двух лошадей, при этом дав описание их примет [Там же, д. 357, л. 129].

В аналогичном письме от 10 апреля 1762 г. комендант Алексей Алексеевич Ступишин просил Каплан-Гирея Ахмадханова беспрепятственно допустить казаков Эльмурзы Черкасского в его конские табуны для опознания пропавших лошадей: «...князя Эльмурзы Черкасского одна кобыла майора Татарова, кабардинской мерин, да казачий мерин же с сей сторону переплыли, которых след посланной для изыскания их усмотрен точно в аксайской деревни, почему при сем посланы... казаки Карп Кузнецов с двумя товарищами, и егда оные к вам придут, то их ради опознал показанных пропавших трех лошадей в ваши конские табуны без препятственно допустить извольте, и как опознают всех неотменно им казакам отдать, не чиня ни какой в том проволоочки...» [Там же, д. 524, л. 151 об.]. Из документа становится ясным, что кражи лошадей у казаков князя Черкасского людьми аксаевского князя не было. Пропавшие три лошади, переплыв реку, видимо смешались с конским табуном Каплан-Гирея Ахмадханова.

В письме от 27 июля 1762 г. на имя аксаевских владетелей Каплан-Гирея Ахмедханова, Эльдархана Султанмамута и Адиль-Гирея Алибекова А. А. Ступишин требовал произвести разбирательство по делу пропавших казачьих лошадей в доме у Алиша Хамзина. «...При сем случае писано от меня ему Алишу, – писал А. А. Ступишин, – чтоб он неотменно о тех украденных казачьих лошадях по прибытии от вас доказательств о дошедшем к его владению следе учинил с вами по вашим обычаям в аксаевской деревни или... у него в доме справедливое разобрание итога надлежит без отлагательства учинить взыскание и обидимых удовлетворить, а меня уведомить...» [Там же, л. 179 об.].

В то же время в другом письме, адресованном на имя костековского воеводы Алиша Хамзина, А. А. Ступишин писал, что дело о пропавших казачьих лошадях необходимо разобрать по местным обычаям [Там же, л. 181, 181 об.].

Таким образом, А. А. Ступишин ответственность за решение дела о пропавших казачьих лошадях возложил на Алиша Хамзина как на воеводу и бригадира. Однако он не оправдал надежды коменданта. Проблема осталась нерешенной во многом благодаря халатности костековского князя, что казалось весьма неестественным. А ведь он был образцовым верноподданником России. Аксаевские владельцы Каплан-Гирей Ахмедханов, Эльдархан Султанмамут, Адиль-Гирей Алибеков прямо указывали А. А. Ступишину, что Алиш Хамзин не принял участия в разрешении дела о пропавших казачьих лошадях. Отсюда возникает подозрение о его причастности к пропаже тех шести казачьих лошадей, фигурирующих в указанном выше документе.

Следует отметить, что кизлярские коменданты не только занимались разрешением споров по поводу конкратства между местными владельцами и гребенскими казаками, но и стремились держать под контролем сделки купли-продажи лошадей в регионе. Так, в письме от 26 ноября 1762 г. на имя аксаевского владельца Каплан-Гирея Ахмедханова А. А. Ступишин сообщал об обстоятельствах продажи лошадей в Кордюковской станице: «...подвластных ваших татар, а именно Аташу, Ибраима, Абдурахмана, Барака и Султана, которые пред сим в Кордюковской станице кузнечную работу производили, собрав при посланных при сем, под присягою обстоятельно спросить, что показанной Кордюковской станицы казачьи дети Григорий Марков и Савелий Пономарев продавали им лошадей и при той продаже обще с ними были ль Терского семейного войска Каргалинской станице казаки Гаврило Кабаргин и Сидор Балахонцев, и что посему произойдет меня обстоятельно уведомить...» [Там же, л. 205].

В донесении атамана Терского Семейного войска Дементья Ковалева от 20 февраля 1763 г. кизлярскому коменданту А. А. Ступишину содержится просьба вернуть казакам украденных у них горцами пять лошадей. В нем Дементий Ковалев писал, что 5 апреля 1762 г. во время охоты на диких кабанов за Терекон в урочище Казгону у сотника Каргинской станицы Терентия Ефремова и шести его товарищей были украдены лошади. Однако те казаки были обнадежены князем Алишем Хамзиным в том, что лошади найдутся, но тщетно. В связи с этим станичный атаман Василий Савостьянов, в свою очередь, просил у Дементья Ковалева о взыскании «покраденных тех казачьих лошадей и об удовольствии казаков» [Там же, д. 546, л. 67, 67 об.].

В письме от 1 апреля 1763 г. князь Алиш Хамзин уведомил через посыльного Маухана коменданта А. А. Ступишину о том, что казаками было угнано у его узденя Хаджи Казия сорок лошадей [Там же, д. 543, л. 83].

В аналогичном письме от 9 сентября 1763 г. аксаевский владетель Эльдархан Султанмамут просил коменданта Ивана Христофоровича Дебоксберха вернуть обратно взятых у него в баранту пять лошадей. В нем Эльдархан Султанмамут доказывал И. Х. Дебоксберху, что баранта с его человека была взята не по справедливости, так как пропавших в прошлом казачьих лошадей украл подвластный князь Адиль-Гирей Алибекова ногаец Алим. Соответственно, ни он, ни его люди к краже казачьих лошадей в Новогладковском городке не имели отношения. Соответственно, взыскание должно было быть персональным, т.е. с князя Адиль-Гирея Алибекова [Там же, д. 544, л. 9, 10 об.].

Нередко гребенские казаки обменивали краденых лошадей на горских скакунов. Так, в письме от 21 февраля 1764 г. эндириевский кадий Ахмед и старшина Мамаш просили коменданта Николая Алексеевича Потапова возвратить эндириевскому жителю его лошадь, находившуюся у казака Червленской станицы Андрея Осташкина [Там же, д. 564, л. 68].

Аналогичная просьба содержалась и в письме костековского князя Алиша Хамзина от марта 1764 г., адресованном Н. А. Потапову. В нем Алиш Хамзин просил кизлярского коменданта, чтобы тот приказал казачку отдать лошадь законному хозяину [Там же, д. 566, л. 47].

В письме от 28 апреля 1764 г. аксаевские владетели Эльдархан Султанмамут и Алхас Каплангиреев просят коменданта Н. А. Потапова помочь найти в казачьих городках пропавших их лошадей [Там же, д. 567, л. 36]. Они же в повторном письме от 29 мая 1764 г. просили Н. А. Потапова дать проводника и выдать ордер для смотра в казачьих городках пропавших их четырех лошадей [Там же, л. 92]. Однако в силу каких-то необъяснимых причин комендант Н. А. Потапов не торопился с решением данного вопроса. Это вынуждало кумыкских владетелей снова и снова писать ему письма с аналогичным содержанием. В письмах от 15 июня, 1 августа, 1 октября и 2 декабря 1764 г. кумыкские владетели Ахмедхан Каплангиреев и Султанбек Магомед Уцмиев просили Н. А. Потапова для отыскания пропавших в казачьих городках лошадей дать дозволение и выдать ордер [Там же, д. 565, л. 34, д. 568, л. 17, 40, д. 569, л. 151].

Среди местных жителей склонными к конкратству являлись подвластные засулакских владетелей ногайцы. В этом плане вызывает интерес письмо Н. А. Потапова (январь 1767 г.) на имя эндириевского владетеля Темира Хамзина с требованием взыскать с ногайцев украденных ими казачьих лошадей. Судя по письму, у казаков атамана Терского Семейного войска Татаринцева Ивана Ильина и его товарищей ночью

в урочище Карапре за Терекон украли шесть лошадей, след которых вел в Кази-аул. Конокрадами оказались местные ногайцы, среди которых выделялся известный ранее подобными кражами Аю Домотай. Оказалось, что они продали краденых лошадей в горы к «тавлинцам» [Там же, д. 652, л. 69, 69 об.].

Однако украденные лошади казакам возвращены не были. Поэтому Н. А. Потапов в другом письме от 14 февраля 1767 г. повторно требовал от аксаевских владетелей Эльдархана Султанмамутова, Ахмедхана и Алхаса Каплангиреевых немедленно вернуть казакам украденных у них лошадей, в противном случае угрожая им барантой [Там же, л. 73 об.].

Аналогичное требование Н. А. Потапова содержалось и в письме от 14 марта 1767 г. на имя аксаевских владельцев Эльдархана Султанмамутова, Ахмедхана и Алхаса Каплангиреевых, Султанбека Магомед Уцмиева и Адиль-Гирея Алибекова, в котором говорилось: «...отдачи лошадей не учините, то дозволено будет казакам захватить баранту» [Там же, л. 81 об., 82].

Исходя из содержания многих документов кизлярского комендантского архива, становится очевидным, что коменданты большие усилия прилагали именно по возврату украденных или пропавших лошадей казаков, нежели самих кумыкских владетелей или их подданных. Иными словами, коменданты больше радели за интересы казачества.

Кражи лошадей кумыкских владетелей гребенскими казаками в рассматриваемый период были нередким явлением. Свидетельством того служат документы кизлярского комендантского архива. Так, в письме от 16 апреля 1767 г. коменданту Н. А. Потапову эндиреевский владетель Темир Хамзин писал, что в прошлом году из его пасущегося табуна украдены были две лошади. В поисках пропавших лошадей Темир Хамзин отправил в Кизляр своего человека Аку, где он опознал их у казаков. По его опознанию одна лошадь была ему отдана, а другая осталась у казака. Недовольный этим эндиреевский владетель просил Н. А. Потапова «с оного казака того лошадь взыскать» и вернуть законному хозяину [Там же, д. 654, л. 34].

Но казаки не всегда ограничивались просто кражами лошадей. Иногда дело доходило до открытого разбоя, когда они насильно забирали у узденей кумыкских владетелей прогоняемых лошадей. В письме от 22 мая 1767 г. аксаевский владетель Султанбек Магомед Уцмиев просил Н. А. Потапова вернуть обратно отнятых казаками лошадей: «...брат мой владелец Касай отправил в свой табун с подателем сего несколько лошадей, у которых казаки отняли двух лошадей с жеребятми и одной лошадь с седлом. А те казаки, которые станицы неизвестно. Чего ради... прошу оных лошадей приказать отдать обратно» [Там же, д. 655, л. 23].

В письме от 22 мая 1767 г. шамхал Муртазали писал Н. А. Потапову, что у его человека Валия пропала лошадь, которую обнаружили в казачьих городках. Для отыскания помянутой лошади в казачьих табунах шамхал просил коменданта «реченному Валию дать дозволение и проводника» [Там же, л. 26].

Часто краденные у кумыкских владетелей лошади оказывались в казачьих городках. Их увозили туда путем кражи сами казаки, либо им продавали воры из местных «тавлинцев». Это вызывало недовольство кумыкских владетелей, не раз обращавшихся с письмами к кизлярским комендантам с требованием разрешить их узденям отыскать пропавших лошадей и оказать им содействие. Так, в письме аксаевских владетелей Эльдархана Султанмамутова и Ахмедхана Каплангиреева от 4 августа 1767 г. содержится просьба разрешить их человеку отыскать в казачьих городках пропавших их четырех лошадей [Там же, д. 656, л. 1].

Ни письма кумыкских владетелей, адресованные кизлярским комендантам, ни меры самих российских властей не могли пресечь конокрадства среди казачества и местного населения. Уж слишком сильным, видимо, была жажда наживы. При этом с каждым годом масштабы конокрадства увеличивались. Свидетельством тому является письмо от 10 ноября 1767 г. аксаевского владельца Султанбека Магомед Уцмиева на имя Н. А. Потапова, в котором просил коменданта выдать его человеку ордер для отыскания лошадей в казачьих городках: «...из собственных моих табунов до десяти лошадей украдено и для того к отысканию в казачьих городках посланных с подателем сего письма двух человек приказать им от себя дать одного человека и ордер, чтоб в показанных казачьих городках допустить. Притом уведомился я, якобы оные лошади покрадено казаками...» [Там же, д. 657, л. 84].

Вызывает интерес в этом плане письмо Султанбека Магомед Уцмиева от 12 ноября 1767 г., адресованное Н. А. Потапову, с требованием вернуть отогнанных шадринскими казаками из его табуна шести лошадей [Там же, л. 88, 88 об.].

Следует отметить, что российские власти прилагали усилия в решении споров по поводу конокрадства между кумыкскими владетелями и казаками. В этом вопросе коменданты стремились учесть интересы обеих сторон: как местных феодалов, так и казаков. В ответном письме от 14 ноября 1767 г. на имя аксаевского владетеля Султанбека Магомед Уцмиева Н. А. Потапов требовал, чтобы тот с атаманом Ивановым учинил справедливое разбирательство по установленному обычаю по делу захваченных казаками в баранту шести лошадей вместо украденных шести казачьих быков [Там же, д. 675, л. 47, 47 об.].

В письме от 19 ноября 1767 г. Султанбек Магомед Уцмиев просил Н. А. Потапова дать его узденю ордер для отыскания в казачьих городках пропавших из табуна шамхала Тарковского нескольких лошадей [Там же, д. 657, л. 116, 116 об.].

О том, что кизлярский комендант как представитель российской администрации на Кавказе имел широкие полномочия, свидетельствовал и тот факт, что кумыкские владетели не имели права без разрешения коменданта отправлять своих людей в казачьи городки для отыскания пропавших их лошадей. В этих целях им выдавался ордер.

Вызывает интерес письмо Н. А. Потапова, адресованное на имя эндириевского владельца Темира Хамзина от 14 декабря 1767 г., в котором требует, чтобы вернули украденных у казаков лошадей. В нем говорится, что во время куначества у эндириевского жителя Цепы Абдуллы у казака Коробкова и его трех товарищей ночью из конюшни были украдены лошади. В ходе разбирательства выявился подозреваемый. Им оказался некий местный житель по имени Жанай, якобы накануне кражи хвалившийся перед казаками, что может их лошадей «выкрасть». Заинтересованный в скорейшем решении проблемы комендант предписал Темиру Хамзину «о уплате лошадей у вас обязательству неотменно принудить, дабы он украденных у казаков лошадей немедленно отыскал и им отдал или по настоящей цене платою удовольствовал в натуре лошадьми, коих были лучшей доброты возвратил...» [Там же, д. 675, л. 59, 60].

Не желая осложнения отношений с российскими властями, Темир Хамзин в письме от 13 февраля 1768 г. писал Н. А. Потапову, что вор, укравший казачьих лошадей, ныне выехал в Кабарду, и как только придет обратно, то вынудит его «казаков удовольствовать» [Там же, д. 680, л. 100].

Беспокойство эндириевского владельца было вполне естественным. Ведь конокрадство было совершено на территории его владения, при этом конокрадом оказался местный житель.

В письме от 19 марта 1768 г. аксаевский владелец Султанбек Магомед Уцмиев просил коменданта Н. А. Потапова, чтобы тот приказал червленскому казаку Ваське Кубанову вернуть его человеку Эмчеку украденную лошадь [Там же, д. 681, л. 58].

Иногда дело доходило до того, что казаки умудрялись при продаже лошадей местным жителям идти на разного рода ухищрения. В письме Н. А. Потапову от 29 мая 1768 г. шамхал Муртазали писал, что по его поручению аксаевский житель Салтыбал договорился с казаками, чтобы те перегнали лошадей. Однако казаки решили, исходя из корысти, взяв денег, оставить у себя и лошадей. Они инсценировали акт конокрадства, совершенный другими неизвестными казаками. В результате ни денег, ни лошадей Салтыбал не получил. По сути, он стал жертвой аферы. Поэтому, понимая сложившуюся ситуацию, шамхал Муртазали просил коменданта разобраться в деле и «учинить удовольствия» [Там же, д. 682, л. 52].

Систематический угон казаками лошадей у кумыкских владельцев приводил их в негодование. Те в письмах к комендантам выражали недовольство этим и просили разобраться по справедливости. Как и в большинстве случаев, российские власти больше импонировали казачеству, защищали, прежде всего, их интересы, но при этом стремясь сгладить конфликты. Наглядным примером этого служит письмо аксаевского владельца Султанбека Уцмиева от 16 февраля 1772 г., адресованное Федору Ивановичу Паркеру, в котором просил вернуть его лошадей: «...ныне пишете вы, что яко бы те лошади взяты в баранту за пропалых казачьих лошадей, а у казаков, когда и кем лошадей украдены о том, мне не известно, по силе прежних обычаев должно казакам за пропалых своих лошадей или быков шляхами приехать к нам, а нам надлежит тех шляхов вывести или заплатить, но они никакими казаками след не приведен... когда вашего высокородие не хотите меня обидеть, прошу приказать вышеписанных лошадей отдать мне обратно, и я сам намерение имею к вам приехать» [Там же, д. 852, л. 64, 65, 72, 73].

Из письма мы видим, что комендант Ф. И. Паркер мотивировал захват казаками лошадей у аксаевского владельца как в баранту «за пропалых казачьих лошадей». При этом является весьма странным, что об этом Султанбек Уцмиев узнает именно сейчас, когда у него угнаны лошади, но никак не ранее. Наверняка если бы люди Султанбека Уцмиева были виновны в краже казачьих лошадей, то сразу же кизлярский комендант известил бы его о случившемся. Просто в данном случае Ф. И. Паркер прикрылся доводами баранты. Это было весьма удобно.

Кумыкские владельцы, раздраженные необузданным нравом казаков, склонных к конокрадству, один за другим осыпали письмами кизлярских комендантов, ставя их в известность о случившемся и то и дело требуя приказать вернуть украденных у них лошадей. Так, в письме от 26 апреля 1772 г. шамхал Муртазали писал Ф. И. Паркеру, что из пропавших еще в прошлом году из его табуна трех лошадей ныне одна опознана у казака. В связи с этим он просил коменданта приказать того казака сыскать и заставить вернуть обратно украденную лошадь [Там же, д. 854, л. 68]. В аналогичном письме от 11 мая 1772 г. на имя Ф. И. Паркера эндириевский владелец Темир Хамзин просил приказать казакам вернуть украденных у его племянника Хамзы Алишева одну и его трех лошадей [Там же, л. 100].

Вызывает несомненный интерес письмо от 18 июня 1772 г. аксаевских владельцев Эльдархана Султанмамутова, Ахмедхана и Алхаса Каплангиреевых, Султанбека Уцмиева и Бамата Расланбекова, адресованное коменданту Ф. И. Паркеру: «...просим приказать лошадей отдать нам обратно, и а что казаки захватили из табуна владельца Султанбека баранту шесть лошадей, яко бы след украденных казачьих лошадей приведен был в них...» [Там же, л. 171, 171 об., 175].

Не желая оставаться в стороне от дел ввиду своего служебного положения и круга обязанностей, Ф. И. Паркер в ответном письме (июль 1772 г.) аксаевским владельцам писал: «...не минуемо следует учинить вновь съезд, и положить для того время, где и отдать на присягу ваша сторона или казаках на, чтоб спора не произошло, я определяя при том особливо от терского войска майора... так предуведомя о сем вас рекомендую для съезда к Новогладкову, к разбиранию и назначить к тому и майор прибудет, да казаки соберутся, почему и все ваши претензии решатся...» [Там же, д. 853, л. 119 об., 120, 120 об.].

Когда дело касалось кражи лошадей у казаков и других служилых людей, российские власти проявляли жесткую позицию по отношению к конокрадам. В подобных случаях не было той текучести и незаинтересованности, как это происходило при кражах лошадей у кумыкских владельцев. В ноябре 1782 г. в своем письме к засулакским князьям Темиру Хамзину, Аджимуртазали Чепанову и Алисултану Капланову и капитану

Хамзе Алишеву комендант Алексей Матвеевич Куроедов писал, что 15 ноября с Урчуковского форпоста пропало шесть лошадей, из которых три – у форпостного командира, а три – казачьи. В ходе разбирательства выяснилось, что конокрадом в данном деле оказался эндириевский житель Акай Янтонов. А. М. Куроедов предписал кумыкским владетелям «оного Акай сыскать и лошадей... тех велеть отдать и их, а по случаю не явки за трех лошадей форпостному командиру за каждую по тридцати, за казачьи, за каждую по двадцати по пяти... рублей, приказать немедленно заплатить, и сверх того по обычаям... Акай... стражая оштрафовать, дабы впредь того чинить не отваживались... есть ли б вы сего удовольствия не учините... от ваших подвластных не от самих от вас захватить знатную баранту, и тою лошадей... побуждение заплатить последует...» [Там же, д. 1183, л. 79].

Приведенный документ красноречиво свидетельствует о бескомпромиссной позиции кизлярского коменданта по отношению к конокрадам, посягнувшим на движимое имущество служилых людей, каковыми являлись казаки. Тем более подобные случаи являли собой не что иное, как «нарушение общего покоя», чего допустить не могли российские власти.

Несомненный интерес по рассматриваемой проблеме вызывает рапорт секунд-майора Терского войска Петра Горича от 10 апреля 1783 г. на имя коменданта А. М. Куроедова «О конокрадстве у кипчакого аула старшины Мустафы Генжеболатова». В нем П. Горич извещал кизлярского коменданта, что ночью 28 марта у старшины Мустафы Генжеболатова из конского табуна было украдено пять лошадей. По сведениям местных жителей конокрадами в этом деле явились Усен Коваилиев из Эндирея, человек владетеля Амзы Алишева и его сын Муртазали, а также аксаевские ногойцы. В связи с этим П. Горич просил А. М. Куроедова, чтобы тот приказал «учинить взыскание» с виновных и «удовольствовать» его старшину Мустафы Генжеболатова [Там же, д. 1201, л. 26].

Судя по документам кизлярского коменданта, больше всего казаки воровали лошадей у аксаевских владетелей. Так, в письме от 17 мая 1786 г. аксаевский князь Адиль Алибеков просил коменданта Ивана Силыча Вешнякова приказать вернуть опознанных у казаков его лошадей либо показать воров [3, д. 20, л. 123, 123 об.].

Для более полного раскрытия рассматриваемого нами вопроса считаем нужным привести рапорт секунд-майора Петра Скарзина от 9 июля 1789 г. на имя коменданта Карла Карловича Рыка, в котором содержатся весьма ценные сведения о разбирательствах между казаками и подвластными засулакских владетелей по поводу украденных лошадей и другого скота. При этом секунд-майором Петром Скарзиным одновременно расследовались два дела по конокрадству. В первом случае – это кража лошади у казака Бороздинской станции Афанасия Карпова, позже опознанной у брагунца Магомета Аджиева. В ходе разбирательства выяснилось, что нити преступления вели к аксаевской деревне. Обвиняемым в конокрадстве оказался некий Женакай Абдурахманов. При допросе он сказал, что лошадь была куплена у брагунского жителя Адея Урышева. Тот, в свою очередь, сообщил, что та лошадь им была куплена еще осенью прошлого года в Аксае у Женакай Абдурахманова, подвластного владельца Бисленя Елдарова. Во втором случае рассматривалось дело о краже шести казачьих лошадей. Здесь главное фигурирующее лицо – Арык Таштемиров, который совместно с другими своими сообщниками и совершил данное преступление. Его обязали вернуть казакам в установленный срок украденных их лошадей. Как и следовало ожидать, Арык Таштемиров не явился в назначенное время с лошадьми, за что его волы, взятые в баранту казаками, были проданы. А что недоставало, было взыскано с его поручителя щедринского казака Ивана Попова [Там же, д. 54, л. 53, 53 об.].

Таким образом, изложенный материал свидетельствует, что конокрадство в XVIII веке получило широкое распространение в Дагестане. Оно играло существенную роль во взаимоотношениях кумыкских владетелей с казачеством. Российские власти в лице кизлярских комендантов стремились бороться с этим злом и прилагали немалые усилия, но искоренить конокрадство не удавалось. Преступников, промышлявших кражей лошадей, было много как среди казачества, так и подвластных кумыкских владетелей. Последним не всегда удавалось держать под контролем всех своих подданных. И в большинстве случаев конокрадами являлись ногойцы и тавлинцы, т.е. жители зависимых от всемогущих кумыкских князей горных обществ. Немало конокрадов было среди казаков, систематически угонявших из табунов кумыкских владетелей лошадей.

Как правило, конокрадство было прибыльным преступным промыслом, на нем зарабатывались немалые деньги. Этим во многом и объяснялась сложность борьбы с преступлениями подобного рода, а порой и невозможность. Безусловно, кизлярские коменданты, как представители российской администрации на Кавказе, были заинтересованы в порядке и спокойствии в регионе в целом. Поэтому они не оставляли без внимания ни многочисленные письма кумыкских владетелей с жалобами на конокрадов-казаков, ни рапорты служилых людей. В ходе споров, возникавших между кумыкскими владетелями и казаками по поводу кражи лошадей, российские власти стремились удовлетворить обе стороны, занимали гибкую позицию в решении данного вопроса, стараясь не обидеть ни тех, ни других. Но когда дело требовало, коменданты могли принять и радикальные меры с целью наказания конокрадов и возмещения ущерба потерпевшей стороне. И все же, судя по некоторым документам, кизлярские коменданты иногда в решении споров по поводу конокрадства учитывали интересы, прежде всего, казаков, а не кумыкских владетелей, а зачастую вяло и без интереса разбирали просьбы последних.

Список литературы

1. **Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД).** Ф. 339. Оп. 1.
2. **ЦГА РД.** Ф. 379. Оп. 1.
3. **ЦГА РД.** Ф. 379. Оп. 3.

ROLE OF RUSSIAN AUTHORITIES IN THE CAUCASUS REGION IN SETTLING CONFLICTS RELATED TO HORSE-STEALING BETWEEN KUMYK RULERS AND GREBEN COSSACKS IN THE XVIII CENTURY (BY THE MATERIALS OF KIZLYAR COMMANDANT'S ARCHIVE)

Abdusalamov Magomed-Pasha Balashovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Dagestan State Institute of National Economy
vikingpasha@mail.ru

Murtazaev Arsen Omarovich, Ph. D. in History
Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
arslist777@mail.ru

Relying on the materials of Kizlyar Commandant's Archive the article examines the role of Russian authorities in the Caucasus region in settling conflicts related to horse-stealing between Kumyk rulers and Greben Cossacks in the XVIII century. Horse-stealing as one of serious crimes was widely spread in the Caucasus region. It influenced relations between Kumyk feudal rulers and Cossacks. Russian authorities, looking for peace and stability in the region, made great efforts to prevent crimes related to horse-stealing but they didn't manage to eradicate horse-stealing in the XVIII century.

Key words and phrases: Caucasus; Kizlyar Commandant; Russian authorities; Kumyk rulers; Greben Cossacks; horse-stealing; crime.

УДК 9; 93/94

Исторические науки и археология

В статье обосновывается тезис о том, что своеобразиие российского социума обусловлено внешними причинами: столкновением на евразийском пространстве двух цивилизаций – западной и восточной. Объективным результатом этого столкновения явилось становление нового типа цивилизации, в рамках которой институт государства стал доминирующим по отношению к экономическим и идеологическим институтам. Советский «эксперимент» продемонстрировал полную социальную монополию государства и политическую ангажированность идеологии. Дальнейшее развитие российского социума предполагает социокультурное отделение культуры от цивилизации, идеологии от политики.

Ключевые слова и фразы: западная цивилизация; восточная цивилизация; российская цивилизация; доминирующая роль государства; тоталитаризм; русская культура; собственность; власть; авторитет.

Аверенкова Наталья Вячеславовна, к.и.н.

Пашинцев Евгений Васильевич, д. филос. н., доцент

Челябинский институт путей сообщения –

филиал Уральского государственного университета путей сообщения

info@chirt.ru

ЦИВИЛИЗАЦИЯ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ, СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Согласно общепризнанным методологическим канонам, любое внешнее противоречие системы является проявлением ее внутреннего противоречия. Однако тщательный анализ эпохи становления нашей отечественной истории показывает, что в основе ее специфики лежит исключительно внешний фактор – столкновение двух великих цивилизаций, западной и восточной. Поэтому основная задача данной статьи – показать, каким образом это внешнее противоречие закрепилось в виде устойчивого внутреннего противоречия, выражающего специфику российской цивилизации.

Историческое влияние западной цивилизации, безусловно, ведет отсчет со знаменитого призвания варягов на Русь. Перед нами весьма любопытный в рамках человеческой предыстории социокультурный факт – сознательное преодоление восточными славянами своего отставания в общественном разделении труда, а именно – отделении управленческого труда от ремесла и земледелия. Варяжские князья – это и есть представители нового управленческого класса, который с необходимостью выделился в условиях густонаселенной Западной Европы. Вот что писал по этому поводу выдающийся русский философ В. С. Соловьев: «Наши предки, видя недостаточность туземных элементов для организации общественного порядка, по своей доброй воле и по зрелом размышлении призвали к власти скандинавских князей, сказав им достопамятные слова: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами”» [5, с. 190].

Здесь вполне уместно высказать запоздалый упрек классическому марксизму, который, оперируя фундаментальной категорией разделения труда, не сумел в должной мере оценить сам факт выделения профессионального управленческого труда. Но именно с процесса управления людей людьми и начинается собственно социальная история общества, т.е. история социального неравенства. Побочным следствием этой методологической ситуации можно считать неизбежный вывод о неадекватности классической марксистской методологии применительно к анализу евразийского «феномена».

Вовремя позаимствовав элементы западной цивилизации, восточные славяне стали быстро развиваться по западному, то есть собственническому, пути, во многом опережая (если иметь в виду Древний Новгород) сами западные страны. Однако очень скоро благополучная европеизация Руси стремительно заканчивается. Мощнейший напор со стороны Востока (татаро-монгольское нашествие) круто меняет направление